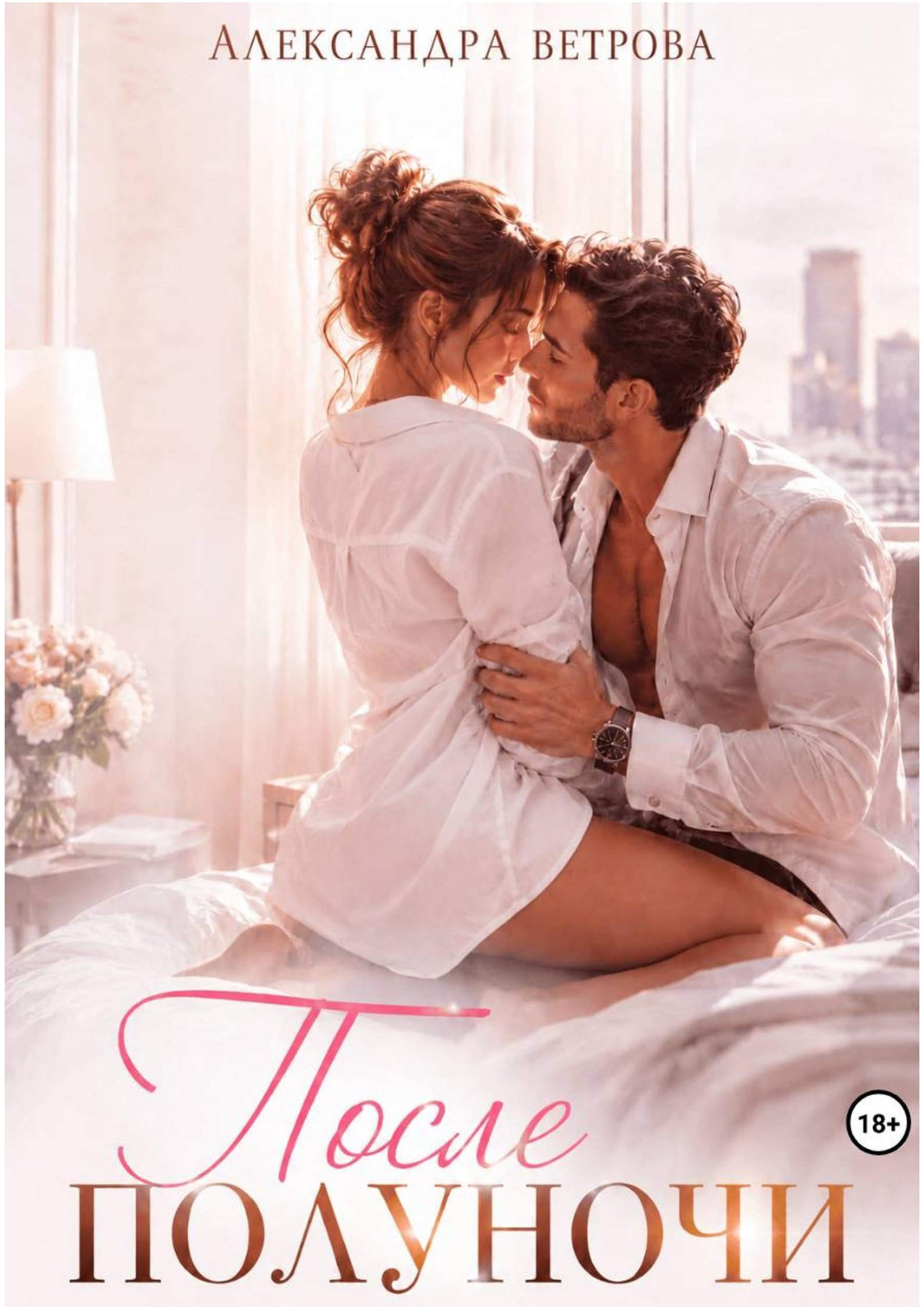

АЛЕКСАНДРА ВЕТРОВА

После
ПОЛУНОЧИ

18+

Александра Ветрова

После полуночи

«Автор»

2026

Ветрова А.

После полуночи / А. Ветрова — «Автор», 2026

Она собиралась провести одну ночь с незнакомцем и больше никогда его не увидеть. Но утром обнаруживает, что мужчина, с которым она решила забиться, теперь занимает важное место в её жизни. Они пытаются сделать вид, что ничего не произошло. Получается плохо. Особенно когда выясняется, что случайная встреча вовсе не была случайной.

© Ветрова А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Агония выбора	5
Глава 2. Отражение в зеркале заднего вида	10
Глава 3. Правила игры	14
Конец ознакомительного фрагмента.	17

После полуночи

Глава 1. Агония выбора

Город за окнами такси казался растекающимся пятном из неона и мокрого асфальта. Осенний дождь, мелкий и назойливый, словно пытался смыть с улиц остатки дня, превращая отражения фонарей в дрожащие золотые лужи. Я сидела на заднем сиденье, прижимая к груди сумочку, и смотрела, как привычные декорации жизни сменяют друг друга с монотонной скоростью. Водитель что-то бубнил себе под нос про пробки и погоду, но его голос доносился до меня словно сквозь толщу воды — глухо и неразборчиво. Все мои мысли были там, впереди, в точке на карте, куда я направлялась, не позволяя себе передумать.

Это было безумством. Чистым, первобытным безумством, которое никак не вязалось с образом рассудительной тридцатилетней женщины, умеющей просчитывать свои шаги. Я всегда была той, кто планирует, кто держит всё под контролем, кто знает, что будет завтра. Но именно сегодня, в эту самую минуту, я ненавидела свою рассудительность. Она не спасла меня от одиночества, которое поселилось в моей квартире несколько лет назад, и не защитила от тоски, которая разъедала душу медленно, но верно. А ещё она не уберегла меня от решения, которое я приняла сегодня вечером — скачать это приложение, найти там человека без имени, без лица на аватарке, с одной лишь короткой фразой в описании: «Мне нужна ночь. Только одна».

Я не искала любви. Не искала принца на белом коне, который приедет и решит все мои проблемы. Я искала забвение. Я искала возможность на несколько часов перестать быть той, кого все знают — ответственной сотрудницей крупного издательства, занудой, которая вытирает пыль с книжных полок по выходным. Я хотела стать просто женщиной, которую обнимают сильные руки, в чьих глазах она видит желание, а не вопрос «как прошёл твой день?». И если для этого нужно было отдаться незнакомцу, который не спросит моего имени, а завтра исчезнет, как сон, — я была готова к этому.

Такси остановилось. Я расплатилась, не глядя на сдачу, и вышла под мелкий, колючий дождь. Здание передо мной было старым, с облупившимся фасадом, но внутри, за матовыми стёклами окон, угадывался тёплый, приглушённый свет. Это был не шикарный отель, а скорее уютный, старомодный пансионат на окраине города, где никто не задаёт лишних вопросов. Идеальное место для того, чтобы сгореть дотла и возродиться пеплом.

Ноги сами несли меня к входу. Сердце колотилось где-то в горле, заглушая шум дождя и собственные шаги. Внутри пахло старым деревом, воском и сухими цветами. На ресепшнере никого не было, только тусклая лампа освещала журнал регистрации и ключ, оставленный, очевидно, для меня. На ключе висела табличка с номером «Семь». Седьмой номер. Вездесущая семёрка — моё любимое число, которое в этот раз не сулило ничего, кроме неизведанного.

Я медленно поднялась по скрипучей лестнице на второй этаж. Коридор был узким, стены украшали выцветшие гравюры с видами старого города. Пахло здесь иначе — затхлостью и чем-то сладковатым, возможно, духами, которые остались здесь от прежних постояльцев. Всё это создавало атмосферу вневременья, будто здесь застыли чьи-то чужие судьбы, ожидая своего часа. Я остановилась у двери под номером семь, провела пальцами по холодной латунной ручке, и на мгновение мне показалось, что я сейчас просто развернусь и уйду.

Но я не ушла.

Ключ повернулся в замке с мягким щелчком, от которого по спине пробежал холодок. Я приоткрыла дверь и замерла на пороге, чувствуя, как воздух в комнате касается моего лица. Внутри горел только один торшер, отбрасывая на стены длинные, дрожащие тени. В центре комнаты, на кровати с высоким деревянным изголовьем, сидел он.

Я не видела его лица — он сидел ко мне спиной, облокотившись на колени, и смотрел в окно, где дождь рисовал на стекле причудливые узоры. Он был широк в плечах, и даже через ткань его простой чёрной рубашки угадывалась сила, которая пугала и притягивала одновременно. Он не обернулся, но я чувствовала, что он знает о моём присутствии. Он ждал.

— Я не знаю твоего имени, — сказала я, и мой голос прозвучал хрипло и чуждо, будто принадлежал не мне.

— И не узнаешь, — ответил он, не поворачиваясь. Его голос был низким, с лёгкой хрипотцой, которая обволакивала, как бархат. — Садись. Или уходи. Выбор за тобой.

Он давал мне право выбора, и это было самой страшной и сладкой пыткой. Я могла вернуться и уйти, сохранив свой привычный мир нетронутым. Я могла остаться и позволить этой ночи превратить меня в кого-то другого. Секунды тянулись, как расплавленный воск, и я слышала только стук собственного сердца и шум дождя за окном.

Я сделала шаг. Второй. Третий. Я медленно, словно во сне, опустилась на край кровати рядом с ним. Мои пальцы дрожали, когда я положила сумочку на пол. Он, наконец, повернулся ко мне.

Его глаза были серыми, как грозовое небо, и в них горел тот самый опасный огонь, который я искала. В них не было ни капли нежности — только холодное, первобытное желание и, как ни странно, что-то вроде боли. Он смотрел на меня так, будто знал о моей жизни всё. Будто читал каждую мою мысль, каждую скрытую мечту, каждый страх. Он взял меня за руку — его ладонь была горячей и шершавой — и притянул к себе.

— Ты пришла, — произнёс он, и его голос был почти шёпотом, от которого у меня перехватило дыхание. — Значит, ты тоже устала притворяться.

Я хотела что-то ответить, возразить, сказать, что это глупо и неправильно, но он приложил палец к моим губам, заставляя замолчать. Его лицо было так близко, что я чувствовала запах его кожи — смесь дождя, табака и чего-то терпкого, мужского, отчего у меня закружилась голова.

— Сегодня ты никому ничего не должна, — сказал он, и его рука скользнула с моей щеки вниз, по шее, останавливаясь на ключице, которая предательски часто вздымалась от дыхания. — Ты просто будешь чувствовать. Ты позволишь мне забрать у тебя всё, что мучает тебя, и оставить только это мгновение.

Я не знала, что ответить. Я вообще перестала соображать, когда его губы коснулись моей шеи — легко, едва ощутимо, словно пробуя на вкус. Мои веки тяжелили, я закрыла глаза, отдаваясь этому моменту. Его руки были везде — они гладили мои плечи, спускались ниже, очерчивали талию, притягивали меня к нему всё ближе. Я чувствовала его дыхание, его жар, и где-то внутри меня разрасталась волна жгучего, нестерпимого желания, которое я так долго прятала.

Он наклонил мою голову назад, открывая шею, и я почувствовала, как его зубы слегка царапают мою кожу. Это было больно, но эта боль была сладкой, манящей, она заставляла меня выгибаться ему навстречу, умолять о большем.

— Боишься? — спросил он, отрываясь от моей шеи и заглядывая в глаза. Его зрачки расширились, и я видела в них отражение своего собственного лица — покрасневшего, потерянного, совершенно не похожего на ту женщину, что пришла сюда час назад.

— Нет, — прошептала я, удивляясь собственной смелости. — Я боюсь, что ты остановишься.

Он усмехнулся — криво, невесело, но в этой усмешке было столько напряжения, что у меня пересохло во рту. Он резко поднялся, и я почувствовала, как его руки подхватывают меня за талию, поднимая на ноги. Он развернул меня лицом к кровати, и я ощутила его горячее дыхание у самого уха.

— Тогда не останавливай меня, — приказал он, и голос его стал глуше, ниже. — Потому что если я начну, я не смогу остановиться. И ты не захочешь этого.

Я стояла к нему спиной, чувствуя его руки, которые медленно расстегивали пуговицы моей блузки, одну за другой. Я дрожала, но не от холода. Он касался моей спины, и каждое его прикосновение оставляло за собой огненный след. Я слышала его дыхание — оно стало тяжелым, прерывистым, и это меняло всё. Это был не просто ритуал. Это была бесконтрольная, дикая страсть, которая требовала выхода.

Когда блузка упала на пол, он провёл пальцами по моему позвоночнику, и я выгнулась дугой, прикусывая губу, чтобы не закричать. Я чувствовала, как его взгляд скользит по моей коже, и от этого взгляда внутри меня разливалось жгучее тепло, которое концентрировалось внизу живота, заставляя каждую клеточку моего тела вибрировать в унисон с его присутствием.

— Ты прекрасна, — сказал он, и в его голосе не было лести. Только констатация факта, от которой у меня захватывало дух. — Глупо, что ты прячешь это за своими книжками и тихими вечерами.

Он повернул меня к себе и прижал так, что я чувствовала его возбуждение сквозь тонкую ткань его брюк. Это было настолько интимно и откровенно, что краска залила мои щёки. Но он не позволил мне смутиться. Его руки легли на мои бёдра, притягивая ещё ближе, а губы снова нашли мои — на этот раз по-настоящему, жадно, так, будто он хотел выпить меня до дна.

Я забыла, где нахожусь. Я забыла, кто я. Я забыла о боли, которая жила во мне долгие годы. В этом поцелуе была моя свобода — горькая, пьянящая, бесконечная. Его язык исследовал мой рот, и я отвечала ему с той же страстью, цепляясь пальцами за его плечи, чувствуя под рубашкой твёрдые мышцы. Он был слишком сильным для меня, и именно это сводило с ума.

Он оторвался от моих губ и, не разрывая зрительного контакта, опустился передо мной на колени. Его руки скользнули вверх по моим бёдрам, цепляясь за край моей юбки, и я замерла, понимая, что сейчас произойдёт. Он медленно, с каким-то благоговейным трепетом, поднял подол юбки, обнажая мои ноги. Его пальцы, горячие и настойчивые, гладили внутреннюю сторону моего бедра, поднимаясь всё выше, пока не добрались до кружева моего белья. Он провёл по нему кончиком пальца, и я вздрогнула, закусывая губу так сильно, что почувствовала привкус крови.

— Посмотри на меня, — приказал он, и я повиновалась. Его серые глаза, потемневшие от желания, не отпускали моего взгляда. Он медленно, с почти болезненной нежностью, стянул с меня бельё, и я осталась совершенно обнажённой перед ним. Его дыхание участилось, когда он посмотрел на меня снизу вверх — на мою грудь, которая тяжелела от его взгляда, на мой живот, который предательски подрагивал.

— Я хочу тебя, — сказал он, и в этих словах не было ни капли сомнения. — Всю. До последней капли.

Он наклонился, и я почувствовала его дыхание на самом сокровенном месте. Это было невыносимо. Я застонала, выгибаясь дугой, когда его губы коснулись меня — нежно, почти целомудренно, но от этого прикосновения по моему телу пробежала молния. Его язык — влажный, горячий — начал медленно, очень медленно изучать меня, и я забыла, как дышать.

Каждое его движение было уверенным и точным. Он знал, что делает. Он не торопился. Он дразнил меня, заставляя тело содрогаться от малейшего прикосновения его языка к моему клитору. Я вцепилась пальцами в его волосы, забыв о всякой осторожности, и бедра сами начали двигаться в такт его движениям, умоляя о большем. Его руки держали меня за бёдра, сжимая их с силой, которая оставляла следы, но мне было всё равно. В этом мире существовали только мы, только этот момент, только его язык, который доводил меня до исступления.

— Пожалуйста... — выдохнула я, сама не зная, о чём прошу.

Он не ответил словами. Он лишь усилил давление, ускорил ритм, и я почувствовала, как внутри меня нарастает волна — огромная, неудержимая, готовая разбиться о берег его губ. Я

пыталась сдержать её, но это было невозможно. Он не позволял мне сдерживаться. Он хотел, чтобы я взорвалась.

И я взорвалась.

Это был не просто оргазм. Это было крушение миров. Моё тело содрогалось, мышцы сводило судорогой, и я кричала — громко, не стесняясь, вцепившись в его волосы так, что на глазах выступили слёзы. Волна удовольствия накрывала меня с головой, и я тонула в ней, захлёбываясь, чувствуя, как его язык продолжает ласкать меня, не позволяя волне схлынуть, продлевая это неземное блаженство.

Когда я, наконец, обмякла в его руках, дрожа и не в силах стоять на ногах, он поднялся. Его лицо было влажным, он тяжело дышал, а в глазах горел такой голод, что у меня снова перехватило дыхание. Он взял меня на руки — легко, словно я весила не больше пушинки — и отнёс на кровать, уложив на прохладные простыни.

Я лежала, смотря на него сверху. Он стоял у кровати, и я видела, как его рука медленно, мучительно медленно, расстёгивает пуговицы на его рубашке. Его торс был словно высечен из мрамора. Он сводил с ума. Его пальцы двинулись дальше, к ремню, и я, прикусив губу, смотрела, как он освобождается от брюк.

Он был великолепен. Сильный, опасный, желанный.

Он навис надо мной, и я чувствовала его член, горячий и твёрдый, прижатый к моему животу. Всё моё тело горело, и я хотела его внутри себя, чувствовать его, раствориться в нём полностью.

— Я буду нежным? — спросил он, склоняясь к моему уху, и я вздрогнула от его шёпота. — Или я буду брать тебя грубо, так, как ты этого хотела все эти годы, когда оставалась одна?

Я не могла сказать ни слова. Вместо ответа я обвила его шею руками, притянула к себе и поцеловала — жадно, дико, кусая его губы. Это был ответ.

— Грубо, — выдохнула я в его рот. — Заставь меня забыть своё имя.

Он не заставил себя ждать. Его член вошёл в меня резко, на всю длину, и я вскрикнула от неожиданности и остроты ощущений. Он замер на мгновение, давая мне привыкнуть, но я не хотела привыкать. Я хотела движения.

— Двигайся, — прошептала я, впинаясь ногтями в его спину.

И он двинулся. Его толчки были глубокими, ритмичными, с каждым разом всё более жёсткими. Он брал меня так, как будто хотел наказать за то, что я была слишком долго недоступной. Он брал меня за то, что я пришла к нему. И я отдавалась ему полностью, выгибаясь, постанывая, чувствуя, как его член наполняет меня до предела, касаясь каждой чувствительной точки внутри.

— Да... сильнее... — стонала я, теряя контроль над голосом.

Он перевернул меня на живот, приподняв мои бёдра, и вошёл снова. Эта поза была ошеломляющей — он проникал глубже, и я могла чувствовать каждое его движение с удвоенной остротой. Я уткнулась лицом в подушку, кусая её, чтобы не кричать слишком громко, но его рука накрыла мой рот, заставляя замолчать.

— Не сдерживайся, — прошептал он мне на ухо, продолжая двигаться. — Я хочу слышать тебя.

Он был так близко. Я чувствовала его грудь на своей спине, его дыхание на шее, его руки, которые сжимали мои бёдра так сильно, что на коже оставались синяки. Он брал меня жёстко, но в каждом его движении чувствовалась какая-то отчаянная нежность, которая разрывала меня на части. Я не знала, кто он, но в эту секунду он был всем моим миром.

Его ритм ускорился. Я чувствовала, как он приближается к краю, и это подхлёстывало меня. Я кончила снова, в тот же миг, чувствуя, как его член пульсирует внутри меня, изливаясь горячим семенем. Моё тело содрогалось в такт его судорогам, и мы оба замерли, тяжело дыша, прижавшись друг к другу.

Он медленно вышел из меня и откинулся на спину, притягивая меня к себе. Я лежала на его груди, слушая, как его сердце бьётся так же бешено, как и моё. В комнате было тихо — только дождь за окном продолжал свою бесконечную песню. Я не могла пошевелиться. Я боялась, что если пошевелюсь, это волшебство исчезнет.

Но оно уже начало исчезать. Рассвет приближался. Моя ночь заканчивалась.

— Мне пора, — сказала я, поднимая голову.

Он ничего не ответил. Он просто смотрел на меня, и в его глазах я снова увидела ту самую боль, которую заметила вначале. Он взял мою руку, поднёс к своим губам и поцеловал запястье.

— Это была просто ночь, — произнёс он, и его голос звучал глухо. — Утром всё изменится.

Я не поняла, что он имел в виду. Сейчас мне было не до загадок. Я собрала свои вещи, дрожащими руками натянула одежду, стараясь не смотреть на него, на его обнажённое тело, на его лицо. Когда я уже стояла на пороге, он окликнул меня:

— Я приду за тобой. Не сегодня. Но я приду.

Я не обернулась. Я вышла в коридор, прикрыла дверь и прислонилась спиной к стене, чувствуя, как ноги подкашиваются. Внутри меня всё болело, но эта боль была сладкой. Я знала, что больше никогда его не увижу. И почему-то это знание казалось самым большим сожалением в моей жизни.

Я спустилась по скрипучей лестнице и вышла на улицу. Дождь кончился. Небо на востоке начинало светлеть, предвещая новый день. Я села в такси и назвала адрес своей квартиры. Моя ночь закончилась.

Но жизнь — та, другая жизнь — только начиналась.

Глава 2. Отражение в зеркале заднего вида

Утро встретило меня серым, безжалостным светом, который просачивался сквозь неплотно задёрнутые шторы моей спальни. Я лежала на своей кровати, чувствуя, как каждая мышца моего тела ноет от недавнего напряжения, и пыталась убедить себя, что всё, что произошло прошлой ночью, было лишь плодом моего воспалённого воображения. Но следы на моей коже — багровые пятна на бёдрах, следы от пальцев на талии, припухшие губы — кричали об обратном. Это было реально. Он был реальным.

Я закрыла глаза и позволила воспоминаниям захлестнуть меня с головой. Его руки, сжимающие мои бёдра с такой силой, что я чувствовала это до сих пор. Его губы, скользящие по моей шее, оставляющие за собой дорожку из поцелуев, которые жгли, как клеймо. Его голос, низкий и хриплый, когда он шептал мне на ухо слова, которые я не могла забыть, даже если бы хотела. Я помнила, как он смотрел на меня, когда я стояла перед ним обнажённая, дрожащая от холода и желания. В его взгляде не было осуждения — только голод, чистый и первобытный, который заставлял моё тело плавиться, как воск.

Но больше всего я помнила момент, когда он вошёл в меня. Это было не просто физическое проникновение. Это было вторжение в мою душу, которое оставило там неизгладимый след. Я чувствовала его член внутри себя до сих пор — пульсирующий, горячий, идеально заполняющий каждую клеточку моего тела. Я помнила, как мои пальцы впивались в его спину, оставляя алые полосы, и как он заставлял меня кричать, не давая замолчать. Я отдалась ему полностью, без остатка, и эта мысль одновременно пугала и возбуждала меня до дрожи.

Я заставила себя подняться с кровати. Ноги дрожали, когда я шла в ванную, и я остановилась перед зеркалом, рассматривая своё отражение. В зеркале на меня смотрела незнакомая женщина — с растрёпанными волосами, горячечным блеском в глазах и лёгкой улыбкой, которую я не могла стереть с лица. Я провела пальцами по своей ключице, где всё ещё алел след от его губ, и по моему телу пробежала судорога удовольствия. Он оставил на мне не просто синяки. Он оставил на мне свой отпечаток, который не смывался водой, не стирался временем.

Я приняла душ, стараясь смыть с себя запах его кожи — смесь дождя, табака и чего-то терпкого, что преследовало меня теперь повсюду. Но вода не помогала. Я чувствовала его везде: в каждом движении, в каждом вздохе, в каждом ударе моего сердца. Я стояла под горячими струями, закрыв глаза, и снова видела его лицо — эти серые глаза с тёмным, опасным огнём, которые смотрели на меня так, будто знали каждую мою тайну. Я вспоминала, как его язык ласкал мой клитор, медленно, мучительно, заставляя меня терять рассудок. Я чувствовала его дыхание на моей коже, и мои руки сами собой скользнули вниз по животу, но я остановила себя. Нет. Не сейчас. Не в одиночестве. Это было бы предательством того, что мы разделили.

Одеваясь на работу, я выбирала вещи, которые скрывали бы следы его страсти — водолазка с высоким горлом, длинная юбка, строгий пиджак. Я должна была выглядеть как обычно — собранная, деловая, неуязвимая. Но внутри меня всё бурлило, как вулкан перед извержением. Каждое прикосновение ткани к моей коже напоминало мне о его пальцах, о его твёрдых, уверенных руках. Я села за кухонный стол и попыталась выпить кофе, но чашка дрожала в моих руках, и я поставила её обратно, понимая, что сегодня я не способна даже на такие простые действия.

Я приехала в офис раньше обычного, когда коридоры были ещё пустынные, а эхо моих шагов разносилось по всему этажу. Моё рабочее место — привычный стол, заваленный рукописями, стопка книг, которые ждали рецензий, чашка с остывшим чаем — казалось чужим, будто я видела его впервые. Я включила компьютер и уставилась на пустой экран, не в силах

сосредоточиться. Перед глазами стояла его улыбка — кривая, невесёлая, от которой у меня перехватывало дыхание.

Через час начали появляться коллеги. Они здоровались, обсуждали планы на день, перешучивались, но их голоса доносились до меня сквозь вату. Я кивала, улыбалась, отвечала на вопросы, но на самом деле я была где-то далеко — в той комнате, где горел торшер и капал за окном осенний дождь. Я слышала его голос: «Я приду за тобой». Что он имел в виду? Зачем ему приходиться? Мы же договорились — только одна ночь. Только забвение. Зачем он дал мне эту надежду, если знал, что утром я исчезну из его жизни, как и он из моей?

В обеденный перерыв я вышла на улицу, надеясь, что свежий ветер развеет мои мысли. Но город был тем же самым, что и вчера — мокрые улицы, серое небо, лица людей, торопящихся по своим делам. Я остановилась у небольшого книжного магазина, который я часто посещала, и заглянула в витрину. Моё отражение в стекле было бледным, с тёмными кругами под глазами. Но в этих глазах горел огонь, которого я раньше не видела. Огонь, который зажжёт во мне он.

Я уже собиралась уйти, как вдруг за стеклом витрины мелькнул знакомый силуэт. Моё сердце пропустило удар. Я развернулась, чувствуя, как по спине пробегает холодок, но за моей спиной никого не было. Только прохожие, только ветер, только шум машин. Я заставила себя успокоиться. Это просто игра моего воображения, моя разгорячённая фантазия, которая теперь населила город призраками.

Вернувшись в офис, я попыталась погрузиться в работу. Я открыла рукопись, которую должна была отредактировать к концу недели, и начала читать, но буквы расплывались перед глазами, превращаясь в непонятные символы. Вместо сюжета я видела его лицо. Вместо диалогов героев я слышала его голос. Вместо описаний природы я чувствовала его дыхание на своей шее.

Вечером, когда офис опустел, я сидела одна за своим столом и смотрела в окно. За стеклом зажигались огни, но они не согревали меня. Я чувствовала холод внутри, который не могла заполнить ничем. Я вытащила телефон из сумочки и открыла то приложение. Его профиль всё ещё был там, но теперь он казался пустым, безликим. Я хотела написать ему что-нибудь, спросить, кто он, зачем он сказал те слова, но мои пальцы зависли над экраном. Я не могла нарушить наш договор. Я не могла показать ему, что эта ночь была для меня чем-то большим, чем просто случайность.

Я вернулась домой и снова оказалась в своей пустой квартире, где каждая вещь напоминала мне о том, как я одинока. Я налила себе бокал красного вина и села в кресло, глядя на дождь, который снова начал стучать по окнам. Я думала о нём. Я думала о его руках, которые держали меня так крепко, будто я была его единственным спасением. Я думала о его глазах, в которых была боль, которую я не могла понять. Кто он? Почему он согласился на эту ночь? Может быть, он тоже искал забвение? Может быть, он тоже сбегал от чего-то?

Я допила вино и отправилась в спальню. Я легла в кровать, укрылась одеялом и закрыла глаза. Простыни пахли им — этот запах въелся в ткань, в мои волосы, в мою кожу. Я снова почувствовала его прикосновения — его пальцы, скользящие по моему телу, его губы, целующие мои бедра, его член, входящий в меня глубоко и жёстко. Я застонала, ощущая, как внутри меня разливается волна жара. Моя рука скользнула вниз, касаясь моего клитора, и я представила, что это делает он. Я представила его язык, его пальцы, его дыхание, и моё тело отозвалось мгновенно, выгибаясь в постели. Я кончила быстро и сильно, сжимая простыни в кулаках, и на моих губах замерло его имя — то имя, которого я не знала.

Но после оргазма пришла пустота. Такая же холодная и бездонная, как и раньше. Я лежала в темноте, смотря в потолок, и чувствовала, как слёзы текут по моим щекам. Я плакала от бессилия, от того, что не могу остановить этот водоворот чувств, от того, что впустила в свою жизнь человека, которого не знаю, и уже не могу выкинуть его из своих мыслей.

Прошло три дня. Я пыталась жить как раньше — ходить на работу, общаться с коллегами, выполнять свои обязанности, но я чувствовала себя роботом, который выполняет заученную программу. Мои сны были полны им. Я просыпалась по ночам, чувствуя его прикосновения на своём теле, и не могла уснуть до самого утра. Я стала избегать зеркал, потому что в них я видела не себя, а ту женщину, которая была на коленях перед незнакомцем и умоляла его о большем.

В пятницу вечером я собиралась уходить из офиса, когда моя начальница, пожилая дама с острыми глазами, остановила меня у выхода.

— Вероника, — окликнула она меня по имени, и я вздрогнула, не привыкшая к тому, что меня так называют. — Ты в порядке? Ты выглядишь уставшей.

— Да, всё хорошо, Елена Сергеевна, — ответила я, натягивая дежурную улыбку. — Просто много работы.

— Я знаю, — сказала она, и в её голосе послышалась лёгкая ирония. — Кстати, завтра наша компания проводит мероприятие. Встреча с новыми партнёрами. Очень важное событие. Я хочу, чтобы ты была там.

— Но я обычно не хожу на такие встречи, — возразила я, чувствуя, как у меня внутри сжимается комок страха. Я не хотела никуда идти. Я не хотела видеть людей, улыбаться, разговаривать, притворяться, что я счастлива.

— На этот раз пойдёшь, — сказала она, и в её голосе послышались стальные нотки. — Это приказ. Встреча завтра в шесть вечера в отеле «Метрополь». Не опаздывай.

Она развернулась и ушла, оставив меня стоять в коридоре с дрожащими руками. Я не знала, почему это мероприятие вызвало во мне такую тревогу. Я просто чувствовала, что завтрашний день изменит всё. И я не была готова к этим переменам.

Суббота наступила слишком быстро. Я потратила несколько часов на то, чтобы выбрать платье — чёрное, строгое, с глубоким вырезом на спине, которое подчёркивало мою фигуру и скрывало следы на моей коже. Я сделала макияж, уложила волосы и посмотрела в зеркало. Оттуда на меня смотрела чужая женщина — уверенная, красивая, холодная. Именно такой я должна была быть сегодня. Именно такую меня хотели видеть партнёры.

Отель «Метрополь» сверкал огнями и хрусталём. В большом зале собрались люди в дорогих костюмах, с бокалами шампанского в руках, разговаривающие на разные темы, которые казались мне чуждыми. Я протискивалась сквозь толпу, улыбаясь и пожимая протянутые руки, и пыталась найти свою начальницу. Я чувствовала себя лишней здесь, как дикий цветок среди оранжерейных растений.

И вдруг я увидела его.

Он стоял у окна, в чёрном костюме, идеально сидящем на его широких плечах, и разговаривал с каким-то мужчиной. Его лицо было серьёзным, сосредоточенным, но когда он поднял глаза и встретился со мной взглядом, я увидела в них то же самое — ту же дикую, неукротимую страсть, которая сжигала меня заживо.

Мир перестал существовать. Музыка, голоса, шум — всё исчезло. Остались только мы, разделённые толпой, но чувствующие друг друга так сильно, будто между нами не было ни сантиметра пространства. Он смотрел на меня с вызовом и в то же время с каким-то отчаянным голодом, который невозможно было скрыть. Я видела, как его рука сжимает бокал с шампанским так, что побелели костяшки.

Он не сводил с меня глаз, пока я медленно, будто во сне, пробиралась к нему сквозь толпу. Я не знала, что я делаю, не знала, что скажу, но ноги сами несли меня к нему, как магнитом.

Когда я оказалась перед ним, он сделал шаг вперёд, сокращая расстояние между нами до опасного минимума. Я могла чувствовать его запах, тот самый, от которого у меня кружилась голова. Он наклонился к моему уху, так, что его губы почти касались моей кожи, и прошептал:

— Я же говорил, что приду за тобой.

Его голос пронзил меня до самого нутра, заставляя всё тело содрогнуться. Я не могла произнести ни слова, только смотрела в его глаза, чувствуя, как моё сердце бьётся о рёбра.

— Кто ты? — наконец выдавила я, и в моём голосе звучала мольба.

— Твой новый босс, — ответил он с кривой усмешкой. — Вероника. Я — Леонид Константинович. Твой новый руководитель.

Он протянул руку, и я механически пожала её, чувствуя, как его пальцы сжимают мои с той же силой, что и в ту ночь. В его взгляде я увидела не просто насмешку — я увидела обещание. Он намеревался получить меня снова. И на этот раз он не собирался отпускать.

Толпа вокруг нас зашумела, кто-то подошёл к нему поздороваться, и он отстранился, отпуская мою руку. Но его глаза остались прикованными ко мне.

— Мы ещё поговорим, — сказал он, и в его голосе прозвучала стальная уверенность. — Это только начало, Вероника.

Он развернулся и ушёл, оставляя меня стоять посреди зала, дрожащей от гнева, страха и нестерпимого желания. Я смотрела ему вслед и понимала, что эта ночь, которую я считала концом, была лишь прологом. Наша случайная встреча вовсе не была случайной. И теперь у меня было новое имя для человека, который завладел моим телом и душой — Леонид Константинович. Мой босс.

Мой враг.

Моя самая сладкая одержимость.

Я вышла из зала на свежий воздух, судорожно вдыхая прохладный воздух, и прислонилась к стене здания. В голове шумело, а перед глазами всё ещё стояло его лицо. Я не знала, что делать. Я не знала, как мне жить дальше, зная, что он теперь будет каждый день рядом. Но одно я знала точно: я не смогу избежать его. И, возможно, я не хочу этого.

Глава 3. Правила игры

Я не помнила, как добралась до дома. Весь обратный путь превратился в размытое пятно из огней такси, собственного сбитого дыхания и паники, которая пульсировала в висках. Я влетела в свою квартиру, не снимая пальто, и упала на диван, чувствуя, как пол уходит из-под ног. В ушах всё ещё звучал его голос: «Твой новый босс». Я закрыла глаза, и передо мной снова возникла картина из прошлой ночи — его руки на моих бёдрах, его язык, его член внутри меня, его глаза, которые смотрели на меня с такой бездонной глубиной, что я тонула в них. А теперь эти глаза принадлежали человеку, который будет стоять надо мной каждый день, отдавать приказы, оценивать мою работу.

Мне казалось, что я схожу с ума.

Я сбросила платье и встала под душ, позволив горячей воде стекать по моему телу, смывая с себя прикосновения чужих рук, которыми я пожимала на мероприятии. Но его след оставался. Его прикосновения ввелись в мою кожу навсегда. Я терла себя мочалкой до красноты, пытаясь стереть воспоминания о том, как его пальцы сжимали мою талию, как его губы целовали мою шею, как его член наполнял меня до краёв. Но вода не помогала. Ничто не могло помочь.

Я вышла из душа и завернулась в халат, глядя на своё отражение в запотевшем зеркале. Мои глаза были красными от слёз, которые я не позволяла себе пролить. Я была зла. Зла на себя за то, что позволила этому случиться, зла на него за то, что он не сказал мне правду, зла на вселенную за эту жестокую шутку. Как можно было так поступить со мной? Как можно было дать мне одну ночь иллюзии свободы, а потом надеть на меня ошейник в виде его должности?

Я легла в кровать и не могла уснуть до самого утра. Я ворочалась, смотрела в потолок, считала удары собственного сердца, и в каждом из них слышала его имя. Леонид. Это имя звучало во мне как музыка, как проклятие, как обещание. Я пыталась представить его в офисе, за рабочим столом, с карандашом в руках, но мой разум упорно рисовал его обнажённым — склонившимся надо мной, с этим опасным блеском в серых глазах. Я не могла избавиться от этих образов. Они преследовали меня, как тени, и я знала, что завтра, когда я войду в кабинет, он будет там, и эти тени станут реальностью.

Утро понедельника наступило с пугающей быстротой. Я стояла перед шкафом и перебирала вещи, не зная, что надеть. Мне нужно было выглядеть профессионально, строго, непроницаемо. Я выбрала тёмно-синий костюм с брюками и белую блузку с высоким воротом, который скрывал всё, что могло выдать мою тайну. Волосы я убрала в тугой пучок, надела минимум макияжа и посмотрела на себя в зеркало. Я была готова к бою. Или мне так казалось.

Офис встретил меня привычным гулом голосов и шумом принтеров. Я прошла к своему столу, стараясь не смотреть на дверь кабинета, которая теперь принадлежала ему. В углу стола лежала записка от секретаря: «Вас ждут в кабинете нового генерального директора в 9:15». Я сжала бумажку в руке и почувствовала, как по спине пробегает холодок. У меня было пятнадцать минут, чтобы собраться с мыслями, но они разбегались, как испуганные птицы.

Ровно в 9:15 я постучала в дверь кабинета. Сердце колотилось где-то в горле, руки дрожали. Я слышала, как за дверью раздался его голос, такой же низкий и хриплый, как в ту ночь, и мои колени предательски подогнулись.

— Войдите.

Я открыла дверь и вошла. Кабинет был большим, светлым, с панорамными окнами, выходящими на город. Он сидел за массивным дубовым столом, одетый в строгий чёрный костюм и белую рубашку, верхняя пуговица которой была расстёгнута, открывая вид на его шею — ту самую, которую я целовала несколько дней назад. Он поднял глаза от бумаг и посмотрел на

меня. В его взгляде не было ни капли той страсти, что я видела в ту ночь. Только холодный, деловой интерес.

— Садитесь, Вероника, — сказал он, указывая на стул напротив себя. Его голос был ровным, спокойным, и это бесило меня больше всего. Как он мог быть таким невозмутимым, когда внутри меня всё горело?

Я села, сложив руки на коленях, и заставила себя смотреть ему прямо в глаза. Я не собиралась показывать свою слабость.

— Я хотел бы обсудить вашу текущую работу, — начал он, открывая папку с моими документами. — Вы отвечаете за отдел художественной литературы, верно? У нас есть несколько крупных проектов, которые требуют вашего внимания. В частности, новый контракт с одним издательством, который мы должны завершить до конца месяца.

Я слушала его, кивала, но смысл его слов ускользал от меня, словно вода сквозь пальцы. Я смотрела на его руки, которые перелистывали страницы, и вспоминала, как эти руки гладили мои бёдра, как они сжимали мои запястья, когда он входил в меня. Я смотрела на его губы, которые шевелились, произнося сухие деловые термины, и вспоминала, как эти губы целовали мой живот, мои груди, мои самые сокровенные места.

— Вероника, — резко произнёс он, и я вздрогнула, понимая, что он заметил мою рассеянность. — Вы меня слушаете?

— Да, Леонид Константинович, — ответила я, и мой голос прозвучал слишком пискляво. — Извините. Я немного устала.

— Я вижу, — сказал он, и в его глазах мелькнула тень усмешки. — Надеюсь, ваша усталость не повлияет на качество работы. Мы находимся на важном этапе развития компании, и мне нужны люди, которые могут справляться с напряжением.

Он наклонился вперёд, и я почувствовала его запах — тот самый, от которого у меня кружилась голова. Дождь, табак, терпкая горечь. Мои пальцы вцепились в подлокотники кресла, чтобы не выдать дрожи.

— Знаете, — продолжил он, понижая голос почти до шёпота, — у нас с вами есть ещё одна нерешённая проблема. Личная. Я думаю, вы понимаете, о чём я.

Я сглотнула, чувствуя, как пересохло в горле.

— Я не понимаю, о чём вы говорите, — соврала я, стараясь, чтобы голос звучал твёрже, чем я себя чувствовала.

Он усмехнулся — той самой кривой, опасной усмешкой, от которой у меня подкашивались ноги. Он медленно поднялся из-за стола, обошёл его и сел на край стола прямо передо мной, так что его колени почти касались моих. Я смотрела на него снизу вверх, чувствуя себя мышью перед удавом.

— Не притворяйся, — сказал он, переходя на «ты», и это было пошло и интимно одновременно. — Ты знаешь, что я говорю о той ночи. Ты знаешь, что это не было просто случайностью. Ты пришла ко мне, Вероника. Ты пришла, потому что хотела этого. Ты хотела меня.

Его голос был низким, бархатным, и он обволакивал меня, как туман. Я чувствовала, как моё тело предаёт меня, как каждый нерв отзывается на его присутствие, как внутри меня снова разливается тот жар, который я так тщетно пыталась погасить.

— Ты не имеешь права так говорить, — прошептала я, но мои слова звучали жалко и неубедительно. — Это была одна ночь. Договорённость. Мы оба знали, что это ничего не значит.

— Не значит? — переспросил он, и его рука легла на моё плечо. Его пальцы сжали ткань моего пиджака, и я почувствовала, как тепло от его ладони проникает сквозь одежду. — Тогда почему ты дрожишь? Почему ты смотришь на меня так, будто хочешь, чтобы я снова снял с тебя одежду?

Я хотела возразить, сказать, что он ошибается, что я не хочу его, что это было ошибкой, которую я никогда не повторю. Но слова застряли в горле. Я смотрела в его глаза и видела в них отражение собственного желания — тёмного, запретного, всепоглощающего.

— Я не хочу, чтобы это повторилось, — выдавила я, но мой голос звучал неуверенно.

— Лжёшь, — сказал он, и его рука скользнула с моего плеча на шею, пальцы слегка сжали её, заставляя меня запрокинуть голову. — Ты врёшь мне, и ты врёшь себе. Я вижу это в твоих глазах, Вероника. Я вижу это в том, как ты дышишь. Я слышу это в каждом твоём вздохе.

Он наклонился ко мне, и я почувствовала его дыхание на своих губах. Моё сердце билось так громко, что, казалось, его слышно в коридоре. Я хотела оттолкнуть его, но мои руки не слушались. Вместо этого я вцепилась пальцами в его пиджак, притягивая его ближе.

— Если ты поцелуешь меня сейчас, — прошептала я, — я не смогу остановиться. Это разрушит всё. Нашу работу, наши жизни.

— На кой чёрт мне нужна работа? — ответил он, и его губы почти коснулись моих. — Я хочу тебя, Вероника. Я хочу тебя с той самой ночи. И я знаю, что ты тоже хочешь меня.

Он поцеловал меня. Это был не нежный, пробуящий поцелуй. Это был поцелуй собственника — жадный, властный, требовательный. Его язык ворвался в мой рот, и я ответила ему, забыв обо всём на свете. Я забыла, что мы в офисе, забыла, что дверь не заперта, забыла, что у меня есть принципы и гордость. В этом поцелуе была вся моя тоска, весь мой голод, все те годы одиночества, которые я терпеливо сносила.

Его руки расстегнули мой пиджак, скользнули под блузку, и я почувствовала, как его пальцы касаются моей кожи, гладят мою грудь, сжимают её с той же силой, что и тогда. Я застонала ему в рот, выгибаясь навстречу, чувствуя, как его колено раздвигает мои ноги. Он прижался ко мне всем телом, и я ощутила его возбуждение — твёрдое, горячее, пульсирующее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.